
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЗАПИСКИ РУССКОЙ СТУДЕНТКИ (Из дневника студентки Герценовского института 1920-х годов П. И. Разунковой)*

Вместо предисловия

Установление Советской власти в России в октябре 1917 г. предоставило возможности в получении высшего образования выходцам из низших слоев населения, перед которыми открылись двери российских вузов. В их ряду был и Третий педагогический институт в Петрограде, получивший в 1920 г. имя Александра Ивановича Герцена.

Жизнь студенчества начала 20-х гг. невозможно понять и представить, изучая только сухие строчки официальных документов. И здесь нам на помощь приходят свидетельства участников событий тех лет. Особенно ценны для историков дневники, которые в большей степени свободны от позднейших напластований в сравнении, например, с мемуарами, написанными, как правило, годы спустя после происшедших событий.

Среди источников личного происхождения, освещающих историю педагогического института в первые годы его существования, имеются и дневники студентки-первокурсницы Параскевы Ивановны Разунковой. С первой частью копии ее дневника автор этих строк познакомился еще в 1989 г. в архиве Гуверовского института войны, революции и мира во время научной командировки в США. Именно в этом архиве рукопись получила название «Записки русской студентки». Подлинник со второй частью находится в нашем городе. По-видимому, в 1923 г. учитель Разунковой по школе 2-й ступени Г. А. Князев передал копию дневника, в числе копий других мемуарных источников, одному из своих хороших знакомых, неоднократно бывавшему в России, американскому профессору Фрэнку Голдеру, понимая их научную историческую ценность для будущих поколений.

П. И. Разункова родилась в 1903 г. в семье крестьян Новгородской губернии. После смерти отца в 1918 г. ее определили в детский дом № 63 в Петрограде. Здесь в 1919–1922 гг. она обучалась в школе 2-й ступени № 27, бывшей Демидовской гимназии, которую окончила с отличием. В школе на ее развитие большое влияние оказал преподаватель истории и литературы, уже упоминавшийся Георгий Алексеевич Князев, впоследствии возглавивший архив АН СССР в Ленинграде. В его квартире по средам Разункова и две ее подруги вели беседы со своим учителем на общеобразовательные темы. Бесспорно, что автор дневника являлась натурой литературно одаренной. Она писала стихи, читала произведения Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, а из современников — В. В. Маяковского, о поэзии которого 1909–1919 гг. оставила весьма не лестные отзывы.

Дневник П. И. Разунковой показывает, что автор владела пером и могла четко и ясно излагать свои мысли. При этом она не просто описывала увиденное, а пыталась давать ему оценку. Так, Разункова достаточно нелицеприятно оценивала поверхностное увлечение тогдашней молодежи марксизмом: «А интересно теперешнее настроение молодежи — вся она под влиянием учения Карла Маркса. Все облеклись в марксизм, точно в модную одежду. <...> Мне кажется, что это нечистосердечно, неестественно, на словах только. Как же, разве не заслуга идти с веком наравне? А как бы слишком горячее, поверхностное увлечение марксизмом не дало повод к краху этого течения?» Сомневается автор и в искренности лидеров обновленчества, в частности А. И. Введенского. Не находит у автора дневника поддержки и модная в то время теория свободной любви. Будучи по природе человеком наблюдательным, Разункова дает ряд метких характеристик как сокурсникам, так и преподавателям института.

Дневник П. И. Разунковой начинается с момент ее поступления в педагогический институт им. А. И. Герцена. Автор описывает тяжелое материальное и бытовое положение студентов, но оно не останавливало их на пути к заветной цели, получению знаний и высшего образования. Несмотря на все трудности, духовная пища стала той путеводной звездой, которая определяла жизненные идеалы этого поколения. «Книги —

* Предлагаем читателям познакомиться с отрывками из рукописи «Записки русской студентки», которая была подготовлена к печати и передана в музей РГПУ им. А. И. Герцена профессором кафедры русской истории А. В. Смолиным. Примечания составлены директором музея Е. М. Колосовой.

Автор «Записок русской студентки» — студентка I курса педагогического института имени Герцена П. И. Разункова (училась с 1922 по 1926 гг. на отделении языка и литературы). Девушка из простой крестьянской семьи, получившая образование и воспитание в школе второй ступени (бывшей гимназии). Связи с деревней не порвала, но все ученические годы жила при школе, в интернате, в деревню ездила только на лето. Школу окончила отлично. По окончании средней школы, чтобы поступить в вуз и бесплатно в нем учиться, должна была пройти краткосрочные курсы при рабочем факультете. С этого и начинаются ее записки. Они наивны, порой примитивны, но правдивы и искренни. Период, о котором она пишет, охватывает события с сентября 1922 г. по январь 1923 г.

мои детища, — писала Разункова. — Я, живя еще в Гимназии, копила хлеб, который получала по порциям, продавала и приобретала на вырученные деньги книги <...>. Жажда знаний притупляла чувство голода, но постоянно напоминала о нем: «Я уже забыла, когда мы что-нибудь варили. Живем пока на хлебе и льняном масле, а затем опять будем без ничего. Да мы особенно-то не тужим — ведь зато учимся. Сейчас готовимся к зачету по методологии русской литературы». Или запись в дневнике от 4 января 1923 г.: «Вот хотя бы сейчас: есть нечего, однако на завтра у нас целый план. Утром собираемся получить и перетаскать дрова, а вечером пойдем в Публичку заниматься. Что горевать, когда нечего кусать, ведь не в этом же смысл жизни. Было бы духовной пищи побольше». И 10 января Разункова записала: «<...> вчера пошла в Публичку почти голодная, а потому после четырехчасовой работы уже голова разболелась, сегодня <...> с самого утра голова трещала и в ушах звенело, а поэтому тоже занималась не больше 5 часов».

Через весь дневник проходят стремление к дальнейшему духовному росту и упорство в достижении поставленной цели, несмотря ни на какие препятствия.

А. В. Смолин

* * *

21 сентября. Я пошла в институт, чтобы получить записку на продукты, а Катя, Тоня и Аня — комнату убирать. Мандатная комиссия, в лице студента 3 курса Никоненка¹, дала мне разрешение на получение по 15 фунтов хлеба, по 3 фунта воблы и по ½ фунта сахарного пещу на каждого. Когда я возвратилась в свою будущую комнату, то там только что прибили обои, а потому мои коллеги ничего еще не делали.

Достали тазы у студенток, которые оказались к нам очень отзывчивы, и начали мыть пол. К 4-м часам вечера комната наша имела настоящий вид: чистый потолок и стены, прозрачные стекла, белый пол, но со страшно сырм воздухом. Поставили кровати, распределили безобидно.

Мария Павловна дала нам 3 казенных стола и 2 стула, да Аня из дому принесла стул и маленькую подставку².

22 сентября. Один стол поставили на середине комнаты, второй — в угол около печки, он будет служить нам кухней, третий белый столик сделали туалетным, накрыли салфеткою и торжественно водрузили на него довольно большое зеркало, положили массу безделушек. Этот туалетный столик — единственная услада наша. Затем повесили на окна оказавшиеся у Кати занавески, натащили зелени и украсили свой новый уголок. Хотя пусто, да чисто. Вот что нас утешало.

Вечером, когда стало темно, мы затопили печь с целью изгнать сырость, а сами уселись около и стали мирно беседовать. Прошло несколько времени. Вдруг мы почувствовали, что из глаз наших льются слезы и как-то горько во рту. Оказалось, что печка наша испорчена, дым не шел в трубу, а расстиался по комнате, но в темноте мы ничего этого не заметили. Огонь зажечь не могли, так как не имели электрических лампочек, а купить не на что. Пришлось погасить тлеющий огонь и раскрыть окна. Через несколько мгновений послышался стук в дверь... Входит студентка с папироскою в зубах и говорит: «Чего это вы в темноте-то сидите? Пойдемте к нам наверх песни петь. — Мы безголосые. — Э, что за глупости, у нас люди все свои, да и соло петь не заставим, а в хоре сумеете». Мы пообещали. Она ушла. Слова эти были произнесены с особым ударением на «о», и выходило странное впечатление. Этот выговор присущ жителям Новгородской губернии, а так как я там родилась и часто бывала, то мне показалось, что приехал кто-то с моей родины.

Пришли мы наверх. Там в двух комнатах, в которых кроме кроватей, трюмо и большого стола больше ничего не стояло, собралось значительное число студентов и студенток. Они пели всевозможные русские песни, и мы с Катей их подтягивали. Общение между живущими очень простое, дружеское. Да там, по-видимому, были люди одних губерний, так как почти у всех было одно и то же произношение: усиленное ударение на «о». Студентка, пригласившая нас, чувствовала себя совершенно свободно, шила что-то и все время просила, чтобы спели «Коробочку» ... Сидели мы там до тех пор, пока не разболелась голова, а потом пошли спать.

Часа в 3 ночи нас разбудил пронзительный кашель соседки в следующей комнате, и мы уже до утра не могли уснуть.

25 сентября. «Вводную лекцию гуманитарам I курса прочитывает профессор Соколов» — на всех стенах красуется такое объявление. Сегодня первый день занятий в Педагогическом институте на всех факультетах³.

Профессор Соколов⁴, маленький, невзрачный, но замечательно, на первый взгляд, симпатичный человек. Долго-долго объяснял нам план работ в институте и задачи педагога. Аудитория была переполнена. Народ на окнах, у дверей, за дверями и во всех проходах. Не знаю, как мы заниматься будем в таком количестве слушателей. Большинство из студентов — провинциалы, а самое большинство — израильяне. Сколько типов, сколько наречий, жаргонов!

26 сентября. Профессор Большаков⁵ по истории русской культуры прочел свою вступительную лекцию, в которой повторил почти все то, что сказал вчера профессор Соколов. Этот первый профессор — продукт нового времени, нового мирозерцания, именно: материалист. Не нравится мне это...

Много, много у нас лиц, оторванных от сохи и бороны, — дети деревни. В платочках, милостивые, простые, но с умными, умными глазами. В противоположность им бегают, хихикают, лукаво посматривают кисейные барышни. Почему-то при взгляде на них у меня так и хочет с языка сорваться определение: «Легкомысленные болонки». По-моему, это так подходит к такому типу, хотя, быть может, и грубо. Не люблю я таких девиц...

Голод — враг лютой, впервые сегодня появился в нашей комнате. Эх! Убежать бы куда!..

29 сентября. Варить нечего. Употребляем последний хлеб, который становится поперек горла. Только в институте на лекциях забываем о своей судьбе и первых неудачах своей самостоятельной жизни.

6 октября. Лекция по общему языковедению. Проф. Ларин стрелой влетел на кафедру. Все ожидали, что сейчас слова рекой польются из уст такого стремительного человека. А он уселся, покачался, открыл рот и медленно-медленно стал говорить. Причем на придаточных, т. е., вернее, на запятых, так долго останавливался, что я в этот промежуток считала до 40–50 и даже более. Когда он молчит, то мило улыбается. Это действует на студентов. Все хохочут. Молодой профессор интересной наружности, к тому же артист по натуре. Он, как мне показалось, все время рисуется, позирует и, улыбаясь, показывает ряд белых, красивых зубов. Барышни в восторге. И вдруг изменился наш профессор. Слова быстрее и быстрее полились. Он увлекся. А хорошо говорит Ларин!

16 октября. Вчера был вечер (М. Посадская). Устраивался во имя сближения студентов I Педагогического и Педагогического института имени А. И. Герцена в здании I Педагогического института А. И. Герцена, нынче объединенных в одно целое. На эту тему профессорами и студентами говорилось много речей, приветствий, пожеланий и т. п., которые мы не слышали, так как по врожденной русской черте опоздали. Затем было концертное отделение. Мне очень понравилось. Артист ГАТОБа Мезенцев пел, и очень хорошо. Одно новенькое, только что вышедшее в печать на юге стихотворение «Две розы» было великолепно исполнено им. Дивные слова и музыка, бархатные нотки его голоса наводили много-много дум.

«Одна из них (роз), белая-белая,
Была, как попытка несмелая;
Другая же, алая-алая,
Была, как мечта небывалая».

Затем были пропеты Мезенцевым и другие романсы. Артистка Зоя Лодий выступала со своими любимыми русскими песенками и детскими. Пела она хорошо, но я не люблю ее голос, мне нравятся только ее низкие нотки, а высокие она берет несколько скрипуче.

Вольф-Израиль играл на виолончели «Грезу» Шумана и др. Голубовская на рояле исполняла «Музыкальную табакерку» и др. Мелодекламировали «Песнь о соколе» Горького под импровизацию Вильбушевича и на бис «Новую Русь».

Учениками драматической студии была исполнена поэма А. Блока «Двенадцать». Довольно удачно, но не блестяще. Концерт кончился в 11 часов, начались танцы под духовой оркестр в актовом зале, где происходил и концерт. Зал был очень красиво украшен гирляндами из кленовых листьев, портретами, красными кусочками материи. Была устроена невзрачная гостиная и приличный буфет. Торжественности, на которую все рассчитывали, никакой не было. Студентов последних и старших курсов нашего института почти не было. Вечер устраивали почти только студенты бывшего Герценовского института и наша же РКП, а потому старшекурсники, среди которых много детей дворян и чиновников (подумаешь, как важно), не захотели присутствовать и тем самым уронить свое достоинство (которого и не имеют). Танцы прошли ничего, довольно оживленно. Но вот что было забавно. При выходе в буфет красовалась записка со словами «Стипендиаты могут пользоваться буфетом в кредит на счет стипендии». Предательски манила она к себе студентов — голь перекатную. Вмиг облетела она зал весь. Мы долго себя мужественно сдерживали... и вдруг в конце вечера не утерпели. Я, Катя и Аня (Тоня уже соблазнилась) отправились с важным видом туда, где так вкусно пахло. Взяли в кредит каждая на 5 рублей следующее: по бутерброду за 100 000 руб., по 2 шт. печений за 180 000 руб. каждая и по конфете за 40 000 руб. Все купленное мы с таким удовольствием употребляли, что, кажется, никогда вкусней этих вещей не было. До конца мы не досидели, ушли... Парадная была закрыта. Влезли в окно через мужскую уборную. На улице в это время шел сильный дождь. Темно. Лужи. Слякоть. Холод. Мы насквозь промокли, промочили ноги и продрогли. В результате у меня сегодня еще болит голова и знобит. На лекции ходила только Аня, да и та там безбожно спала. А мы не могли, так как на ноги нечего было одеть.

Стипендиатам, в числе которых и мы, выдали сейчас по 15 фунтов хлеба. Неизвестно, на какой срок и за какой месяц.

5 ноября. 5-я годовщина Октябрьской революции. Я и Аня пошли на демонстрацию. В 10 часов утра общежитие нашего института направилось на Марсово поле со знаменем: «Единение труда и науки — путь к социализму».

Противный частый дождик портил впечатление. Лужи, слякоть, брызги от ног и капли сверху. Выстроились по 6 человек в ряд и с пением отправились. Сколько народу — не счесть! Студенчество, рабочие, солдаты и масса зевак запрудили Каменноостровский проспект и Марсово поле. Духовые оркестры со всех сторон раздавались в воздухе. Красные знамена развевались от ветра, и красные бантики в петличках ярко бросались в глаза. Пришли к могилам жертв революции. Народу — весь Петроград! К взрослым людям еще примыкали ряды детей, учащихся и воспитанников детских домов. Из Петропавловской крепости начали стрелять из пушек. Выстрелы, музыка, пение, крики, сильный дождь, самолеты, низко летающие по воздуху, неисчислимая толпа, сильный-сильный дождь — ну разве это не настоящий ад? Чувствуют ли истлевшие трупы, что это все в честь их? А над всем этим раздаются мерные удары колокола. Во всех церквях благовест. Сегодня воскресенье. Интересная ирония судьбы: здесь народ без креста, без имени Божия в сердце празднует, а где-то там, недалеко, люди молятся. Для них тоже праздник, но праздник свой. Здесь — ад, а там... А там, быть может, чувствуют в себе присутствие Бога и молятся за заблудших овец пастыря Христа, этого доброго, светлого пастыря, а может быть, проклинают потерявших веру и богохульствующих людей. Да, где-нибудь в угоду России старушка-мать молится за упокой души сына своего, похороненного далеко от нее, вот здесь, на Марсовом поле. Все может быть, все...

При входе на самое поле возвышается арка с надписями на одной стороне: «Павшим память поколений, упорный труд для живых». И на другой: «Слава вам, родные тени, жизнь отдавшим за других». Венками живых цветов украшены могилы. Перед нами проехал автомобиль, на нем — изображение закованного в цепи земного шара. В том месте, где находится Россия, цепь порвана силою народа, который символизирует рабочий, стоящий в автомобиле с замахнувшимся (над головой) молотом. Рабочий, конечно, сделан из картона.

Затем, побывав на могилах, мы двинулись на площадь Урицкого к Зимнему дворцу. Вследствие луж, целых озер пришлось идти дезорганизованно. Ненадолго, потом опять выстроились рядами. На площади перед дворцом — на подмостках расположилось наше начальство: Зиновьев, Луначарский, Покровский (Ленин болен) и др., — окруженное какими-то людьми. Мимо них проходила демонстрация, и они с трибуны кричали каждому институту, заводу, фабрике, армии «Да здравствует...» Нам кто-то из них крикнул: «Да здравствуют педагоги!» В ответ грянуло громкое «ура». Те и другие в знак приветствия махали шапками. Отсюда уже все побрели восвояси. Мы ожидали, что на площади будут ораторы произносить речи, но, очевидно, вследствие дождя их не было.

Когда мы возвращались обратно, то благодаря быстрой ходьбе стало жарко, потому и некоторые расстегнули пальто. Дама, стоявшая у ворот, презрительно смотревшая на демонстрацию, иронично прошипела: «Ишь, как их накормили сегодня сердечных, даже жарко стало — пальто нараспашку...» Проговорив это, она с насмешкой поглядывала на наши грязные сапоги, избрызганные пальто и раскрасневшиеся лица. Да, здорово мы промокли, насквозь. Меня часа два трясло дома. Наконец, не вытерпела и затопила печку. Наши все ушли, я одна. Наверное, и ночевать буду одна. Катя пошла на вечеринку, Тоня еще вчера — в гости, а Аня — не знаю, куда.

Завтра парад Красной Армии. Если пальто высохнет, то я пойду смотреть.

Вот уже который день по вечерам студенты-общежитники поют для 7 ноября к вечеру в честь праздника.

За стенкой сейчас вовсю ругаются соседи. Ольга Александровна теперь там не живет, но приходит часто-часто в свою бывшую комнату и крикливо ругается с живущими в ней студентками. (Над ней студенты все смеются: она с Васильевского острова ходит к нам в институт варить себе обед. Это, правда, смешно. К тому же у нее вечно что-нибудь пропадает, и она поднимает страшный шум, что вызывает хохот. Вчера пропала крышка от кастрюли, она обругала всех студентов, бегала-бегала с поднятыми руками, а все дружно смеялись. Крышка нашлась на другой день. И все вещи у нее так. Она забросит куда-нибудь, а затем комично кричит). Я слышу: ее сейчас выгоняют, так как слишком надоедает своим шумом, а она плачет. Теперь нашими соседями сказались почти все еврейки. Их 6 человек, совсем еще молодые. И с самого утра до поздней ноченьки поют. Ах, что это за пение? Кто — в лес, кто — по дрова. Пищат так, что способны всю душу вытянуть. Пискливые-пискливые голоса, и почти без слуха. Ужасные соседи. Всегда-всегда исполняют арии из оперы «Не тяни кота за хвост» или «Не бей кота мокрым полотенцем»... Вот уж, если заболешь, то с ума сойдешь от такого лекарства.

6 ноября. На парад ходила — пальто высохло.

12 ноября. Праздники кончились. Целых три дня гуляли. Замечательно симпатичное впечатление произвело на меня сборище студентов-общежитников в воскресенье, 5 ноября. Собрались все, живущие в стенах нашего института, и играли, и пели, танцевали. Так мило, мило держали себя. Чувствовалось что-то родное. Никто не кокетничал, не рисовался, как это принято на вечерах вообще. Все были просты, обворожительно просты.

Танцевали под рояль, а затем под гармошку. Нашлись охотники русского национального танца.

11 декабря. Сегодня у нас во всем институте выключили электричество, так как мы должны были заплатить 18 миллиардов.

Темень непроглядная. Все общежитские толкуются на кухне, где горит малюсенькая лампочка.

В проходной комнате, у клуба, собрались студенты и начали распевать песни. Мы тоже примкнули. У нас в комнате, однако, имеется большая хорошая лампа. Почти во всем здании темно, ибо нет ни у кого ни керосина, ни лампы.

У нас светло, зато ужасно холодно.

19 декабря. Получили за ноябрь месяц 30 000 000 руб. и по 40 000 000 руб. Мы положили в нашу собственную, личную кассу взаимопомощи, взаимного обслуживания, и с этими деньгами Катя с Аней пошли на рынок. Купили: 10 фунтов пшеницы по 450 тысяч рублей, 2 фунта картофеля по 240 000 руб., 2 фунта лука по 450 000 руб., 2 селедки по 600 000 руб., 2 фунта соли по 500 000 р.

Теперь наше дело в шляпе — будем варить суп, полно один хлебать жевать, да к тому же его не будет.

Нас уже распустили на рождественские каникулы до 20 января 1923 г. В комнате электричества нет, темно, всюду темно. Скучно, делать нечего. Приходится сидеть да томно млеть у окна, спотыкаться в темноте.

Противно все, ужасно — хоть в воду бросайся с горя и тоски. И так все люди без дела и без цели ходят по общежитию, а некоторые, и их большинство, уезжают по домам на каникулы.

20 декабря. Ура! Электричество горит! Светло... Наши, должно быть, заплатили долг, а потому снова дали ток.

21 декабря 1922 г. Сию минуту производилось распределение белья, присланного на наш институт Петропрофбром. Мужчины, кажется, все получили по две пары нижнего белья, а женщины по жребию, кто что. Я вытащила жребий на наволочку и пару панталон; Тоня — две пары панталон; Катя — на 3 аршина тикю из которого шьют матрацы; были там еще жребии на одну простыню, на рубашку, на сколько-то аршин полотна.

1 января 1923 г. Новый год. Что-то он принесет?..

Сейчас 3 часа дня. Темно, туманно. Сырая, мозглая питерская погода. Снегу нет, лед. Лужи. Мокро, скользко. Дождь. Настроение — дрянь порядочная.

4 января. Сегодня ходила заниматься в Публичную библиотеку. Там очень тепло, хорошо для занятий. Народу много-много, и почти все — студенты. Наверно, в таком же положении, как и мы: денег нет, книг нет, учиться надо, рвы последние сапоги.

7 января. Вчера совершенно неожиданно давали авансом из кассы взаимопомощи по 20 миллионов всем желающим. То-то была радость, сразу побежали на рынок и купили на обещанные деньги следующие вещи: 6 фунтов пшеницы по 650 тысяч за фунт, 4 фунта ячневой крупы по 800 тысяч за фунт, 10 фунтов картофеля по 380 000 за фунт, 2 фунта соли по 650 тысяч, 2 фунта лука по 550 000 рублей за фунт. Сегодня готовили опять обед, да невкусный вышел, ибо ни одной капли масла нет.

9 января. В субботу, 6 января, профессора русской литературы Десницкого⁶ арестовали неизвестно почему... Этот профессор замечательно хорошо знает область литературы, он читает ее на нашем курсе. Настоящий ценный работник и крупная величина. Красиво и приятно, вполне логично, системно передает нам свои знания.

Он — представитель левой профессуры. В прошлую зиму был членом нашего институтского правления вместе с профессором анатомии и физиологии Туром⁷ — кадетом. Кажет-

ся, Десницкий — человек честный, с сильной волей. Возбудил неприязнь к себе нашего коллектива членов РКП (говорят, что сам он друг Ленина и с ним на «ты»). Летом он получил разрешение на поездку в Крым отдохнуть — так ему советовали члены нашего правления. В его отсутствие избрали новое правление, и уже Десницкий был уволен, а также и Тур. Нашли хороший предлог освободиться от него — испугались при нем, так давай в отсутствие. А замечательно хитрые люди: захотели удалить Десницкого — и отпуск к его услугам: отдыхай... Вообще профессор не дает власти коллективу, а потому и не было никакого насилия против беспартийных студентов.

РКП решили, что Десницкий помеха, от которой надо избавиться, и вот, руководствуясь политическими взглядами, прицепились и арестовали. Нашли зацепку и со всей силой своего обличительного, шпионажного таланта обрушились на умную голову профессора. Сочли его политически небезопасным — арестовали.

Теперь его по ходатайству студентов 5 курса освободили сегодня, но на днях отправят на два года в ссылку в Вятскую губернию. Студенты Десницкого, на которых теперь у нас гонения (их в 10-дневный срок выселят из общежития), усиленно хлопчут в интересах арестованного с помощью нашего преподавателя Большакова, у которого, говорят, доброе сердце, хотя и натура безличная. Если помогут просьбы студентов, то авось и удастся взять Десницкого на поруки с тем, чтобы его здесь оставили.

Неужели мы лишимся такого профессора? Ну что? Тогда хоть убегай: все будет на коммунистическую ногу и бедным беспартийным — крышка...

23 января. И так, на днях наш профессор Десницкий уезжает в Вятку. Никакого поручительства не допустили. К тому же еще «приятная новость»: наш знаменитый профессор Рожков⁸, крупная величина, тоже ссылается из Петрограда, но не знаю, куда. Мой любимый профессор Буковецкий⁹ — на «подозрении»... В институте разруха — хоть плачь...

30 января. Сегодня вдруг узнаю неожиданную новость: Десницкий, профессор, оставлен у нас и не уедет в Вятку. Тысячу раз слава Богу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1: Никоненко К. К. (1894–1943) — выпускник гуманитарно-исторического отделения, аспирантуры. Профессор, зав. кафедрой политической экономии, декан общественно-экономического факультета. Организатор и первый секретарь партийной ячейки в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Зам. наркома просвещения республики немцев Поволжья. В 1936 г. репрессирован, реабилитирован посмертно.

2: Речь идет о студенческом общежитии, которое в те годы располагалось в здании по адресу: Каменноостровский пр., дом 66.

3: Факультетов в то время было четыре: гуманитарный, физико-математический, естественных наук, иностранных языков.

4: Соколов Н. М. (1875–1926) — профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, заведующий кафедрой (1920–1926).

5: Большаков А. М. (1887–?) — профессор истории и археологии.

6: Десницкий (Строев) В. А. (1878–1958) — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, заслуженный деятель науки РФ, проректор по учебной работе, декан отделения языка и литературы.

7: Тур Ф. Е. (1866–1942) — профессор, заведующий кафедрой физиологии и анатомии, декан естественно-географического и естественно-математического факультетов.

8: Рожков Н. А. (1868–1927) — профессор кафедры русской истории.

9: Буковецкий А. И. (1881–1972) — профессор кафедры экономической географии, заместитель ректора. Арестован в 1949 г. Реабилитирован в 1955 г.